

УДК 821.161.1-1.09

Н. Г. Колошук

(Луцк, Украина)

ОПЫТ ПРЕБЫВАНИЯ В РЕАЛИЗОВАВШЕЙСЯ АНТИУТОПИИ: ГУЛАГ В УКРАИНСКОЙ, РУССКОЙ, БЕЛОРУССКОЙ ПОЭЗИИ

В статье рассматривается образно-предметный и проблемно-тематический аспект поэзии ГУЛАГа: как воспринимают и что показывают поэты-лагерники о действительности страны и времени, в которых жили. У них нет официозной риторики, зато многое напоминает антиутопии Е. Замятина или Дж. Оруэлла. Лагерная лирика предназначалась для устного восприятия и запоминания, выполняла функции сакрального слова – спасала и очищала. Поэтому её отличает кованая чёткость и смелость высказывания, афористичность, суровая простота и горькая беспощадная ирония.

The article deals with the character-subject and problem-thematic aspects of

GULAG poetry: how the camp poets perceive and what they demonstrate in the realities of the country in which they lived. They had no semiofficial rhetoric but they remind antiutopia of Y. Zamiatin and G. Orwell. The camp lyric poetry was written for oral perception and memorization, it had the function of sacral word – it saved and cleansed. That's why its terse clearness and boldness of views, aphoristic character, severe simplicity and bitter cruel irony are its characteristic features.

Ключевые слова: лагерная лирика; образно-предметные реалии; опыт антиутопии.

Key words: camp lyric poetry; character-subject actual; experience of antiutopia.

Лагерная поэзия – андеграунд советской культуры, свидетельствующий о духовном сопротивлении тоталитарному режиму. В России и на Украине исследователи редко обращают на неё внимание, изучая преимущественно на уровне отдельных персоналий. Изучение феномена в целом всё ещё на начальном этапе: собирается литературный и библиографический материал; появились стихотворные сборники и воспоминания, подборки стихов и биографические справки в интернете и в антологиях.

Исследования близких и смежных тем – «возвращённая» литература, диссидентское творчество, персоналии авторов-узников советского режима – проводились историками, правозащитниками, литературоведами Л. Алексеевой, В. Муравьёвым, С. Виленским, Е. Волковой, В. Шенталиным, Л. Тагановым, Е. Михайлик и др. Показателен анализ критических дискуссий о русской лагерной поэзии в единственной посвящённой этому феномену (как целому) диссертации. Автор подчёркивает «несовпадение художественной и исторической ценности лагерных текстов» и считает «объективными» мнения тех критиков, которые «отмечают чрезмерное влияние историко-политического контекста на восприятие творчества узников ГУЛАГа»¹. Хотя и не вполне согласна с теми, кто «вопреки навязываемой воле» составителей гулаговских антологий не собирается «прощать большинству гулаговских стихотворцев и скверную рифму, и корявость слога, как и понятную в их положении передозировку в сантиментах и перехлёст в патетике» (по выражению А. Кобенкова в рецензии на антологию лагерной поэзии)².

Парадокс восприятия лагерной литературы – как бы вне сферы эстетического – заметила Елена Михайлик: «Однако странным образом, в отличие от книг, порожденных Второй мировой или Катастрофой, лагерная литература так и осталась в сознании советских, а затем и постсоветских

¹ Горева Д.А. Поэзия ГУЛАГа: проблематика и поэтика: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/poeziya-gulaga?openstat=cmVmZXJ1bi5jb207bm9kZThZDE7> (12.06.2014).

² Кобенков А. Дни позора и печали (рец.) // Знамя. 2006, № 6, с. 212-214.

читателей и критиков по преимуществу “литературой факта”, источником информации. Ее художественные параметры игнорируются настолько, что исследования в этой области представляют исключение из общего правила. <...> Это отношение оказалось очень стойким. Систему лагерных управлений демонтировали во второй половине XX века, породившее ее государство перестало существовать почти два десятилетия назад, а способ чтения тем не менее совершенно не изменился. <...> Лагерная проза все еще по преимуществу считается литературой документа, а отклонения от документальной модели рассматриваются как ошибки»¹.

Упоминание термина «лагерная поэзия» в интернетном пространстве чаще всего связано с так называемым «блатным» шансоном и к избранному нами материалу прямого отношения не имеет. У русского читателя «на слуху» имена немногих писателей из ГУЛАГа: Варлам Шаламов, Александр Солженицын, Анна Баркова, Даниил Андреев, Анатолий Жигулин... (можно перечислить ещё не более полдесятка). Но важно изучать и широкий материал антологий, составленных, главным образом, из стихов безвестных поэтов-узников. Дина Горева правомерно считает эти тексты массовой культурой: «...именно в ней с наибольшей простотой и очевидностью отразились основные идеи и ценностные установки времени»². На наш взгляд, причисление к массовой культуре не отменяет художественной ценности произведений, созданных в ГУЛАГе, поскольку это творчество обусловлено иными, чем в «обычной» литературе, причинами. Впервые о них писал в предисловии «...По более глубокой и существенной потребности» к антологии «Средь других имён» Владимир Муравьёв³. В 2005 году издана самая крупная по объёму и тиражу, по охвату разноязычного материала антология «Поэзия узников ГУЛАГа» – почти тысяча страниц, более тысячи произведений, 2500 экземпляров; составитель (и один из авторов) Семён Виленский собрал стихи свыше трёхсот авторов. Наряду с русскими текстами, помещены и переводы с языков национальных окраин СССР, малых народов и национальных меньшинств Российской Федерации. Всего в переводах представлены 45 авторов из 314 и 17 литератур, кроме русской⁴. К сожалению, антология не даёт адекватного представления об иноязычной лагерной поэзии. Например, шестнадцать украинских авторов представляют только поколение «расстрелянного возрождения» – репрессированных в 1930-е

¹ Михайлик Е. Не отражается и не отбрасывает тени: «закрытое» общество и лагерная литература [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/mi27.html#top> (10.06.2014).

² Горева Д.В. Поэзия ГУЛАГа: проблематика и поэтика: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/poeziya-gulaga?openstat=cmVmZXJ1bi5jb207bm9kZTthZDE7> (12.06.2014).

³ Средь других имён: сборник / сост., вступ. ст. В. С. Муравьёва. М., 1990. С. 528.

⁴ Поэзия узников ГУЛАГа: антология / сост. С. С. Виленский. М., 2005. С. 992. Далее цит. это издание с указанием страницы в тексте.

годы; у пятнадцати переведены и поданы стихи, не имеющие ни к лагерной теме, ни к соответствующему месту создания – тюрьма, лагерь – никакого отношения.

Главная ценность лагерных стихов для нынешних читателей, как считает Леонид Таганов, – открытие «таких экзистенциальных глубин, которых ещё не знала история человеческого рода»¹. Но изображение и название того, о чём все современники ГУЛАГа вроде бы знали, не решаясь называть «своими словами», не менее ценно, – этот опыт и породил «экзистенциальные глубины». Еще одна мысль, высказанная Л. Тагановым, кажется нам бесспорной: «Да, конечно, и раньше писатели предупреждали о страшных грядущих испытаниях, но то, что случилось, превзошло самые мрачные пророчества. И сам факт погружения в гулаговскую бездну, в зону потаенности целого литературного архипелага может служить доказательством этого. Между прочим, комплекс неполноценности советской литературы, который при внимательном прочтении обнаруживается в любом ее явлении, во многом объясняется именно тем, что эта литература постоянно ощущает роковое для себя молчание “подземного”, гулаговского творчества, таившего в себе безжалостный приговор “шуму времени”, торжеству повседневности»².

Рассмотрим один аспект образно-предметного и проблемно-тематического содержания лагерных стихов: как воспринимают и что показывают авторы о действительности страны и времени, в которых жили. Если уж верить поэтическому слову, то именно слову *de profundis*. Ведь его носители говорили не «на публику», а спасая собственную душу – очищаясь словом, как на исповеди (Л. Н. Таганов считает «потаённость» сущностной характеристикой лагерной поэзии, соглашаясь с В. С. Муравьёвым в том, что она выполняла функции сакрального слова). От имени «всех трудящихся» страна провозглашала себя торжеством всечеловеческой мечты о счастливом будущем. Мечта воплотилась – «с точностью до наоборот», и лагерники в полной мере испытали реализацию советской утопии на себе.

Вряд ли можно согласиться со стереотипным мнением, что гулаговская поэзия крайне политизирована. Политических реалий в ней не больше, чем, например, в современной ей советской легальной поэзии. Но выглядят реалии совершенно иначе: в стихах нет официозной риторики, зато многое напоминает антиутопии Е. Замятина или Дж. Оруэлла. Вывод Д. Горевой по этому поводу звучит неубедительно: «...И официальные поэты, и узники ГУЛАГа рассматривают действительность в ракурсе

---

¹ Таганов Л. Н. Потаённая литература: поэзия ГУЛАГа [Электронный ресурс] // Вопросы онтологической поэтики. Потаённая литература: исследования и материалы. Иванов, 1998. Режим доступа: http://w3.ivanovo.ac.ru/win1251/az/lit/coll/ontolog1/09_tag_1.htm (10.06.2014).

² Там же.

человек – власть, разница лишь в сути политических взглядов»¹. Но в этой разнице сконцентрировано восприятие действительности, способной перевернуть душу читателя, поскольку она перевернула и души творцов: «Душу новую, как новое растение, / Я ращу в себе в недоброй гнили тюрем. <...> Я не знаю, было ль б мне свободней, / Если б, в полусвет из полутьмы, / В наше неуютное сегодня / Я, прозревший, вышел из тюрьмы. <...> Вижу мелким то, что прежде чёл огромным, / И – большим, чем прежде я небрёг...» (А. Солженицын, «Отсюда не возвращаются», 1950) (с. 675).

Важно именно то, что гулаговские поэты не боялись называть реалии так, как воспринимало не зомбированное советской пропагандой сознание. Многие события и факты, умалчиваемые официальной историей СССР, предстают в беспощадном свете оценок из «людского пекла», из глубины «воцарившегося Средневековья» (Юрий Гастев, «По далёким и светлым созвездьям...») (с. 725-726). Узникам очевидно, что «великие» исторические стройки – «Дороги, каналы, плотины, мосты / На наших костях вырастали», как и все прочие «достижения» (Пётр Кузачкин, «Нас всех распинали на красной звезде...») (с. 791).

Переживший арест и заключение, начиная с 1946 года, Юрий Гастев (сын расстрелянного в 1938-м пролетарского поэта Алексея Гастева) увидел «красный рай за колючей проволокой», где «глухую, беззвёздную полночь / Окровавили звёзды Кремля», а «беспощадные кровопийцы / Над страну кошмаром нависли» (с. 725-726). Многие его собратья упоминали «кровавейшего Нерона», который «с народом как мясник расправился» (Арсений Стемпковский, «Сталин») (с. 554), и не менее кровавых подручных – Берию и бесчисленных (изредка и названных – «Ода капитану Красильникову» Вл. Левицкого (с. 793)), но вполне узнаваемых следователей, охранников, «начальников», лагерных «псов». Эти упоминания или «портреты» (например, «Охранник» Виктории Гольдовской, «Камера-49» и «Нарядчику» Марка Гавриша) несут целую гамму оттенков значений и нелицеприятных оценок, видимо, вполне соответствующих бытовой молве, которая передавалась из уст в уста. Нет только пышных славословий, свойственных официальной пропаганде (хотя такие стихи тоже в лагерях слагались, как показывает на примерах Е. Михайлик в упоминавшейся статье, – в антологию они не вошли).

В антологии показательны прежде всего амбивалентные и, на первый взгляд, очень сдержанные характеристики с понятным посвящённому подтекстом. Например, у Юрия Домбровского: «Я повстречал чекиста. Про него / Мне нечего сказать – он был чекистом» («Чекист») (с. 180). Или у Виктора Бокова: «Я у Берии был постояльцем, / Ничего не платил за

¹ Горева Д.В. Поэзия ГУЛАГа: проблематика и поэтика: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/poeziya-gulaga?_openstat=cmVmZXJ1bi5jb207bm9kZTthZDE7 (12.06.2014).

постой. <...> И зияли в земле, словно в сердце, / Сотни тысяч невинных могил. / По тюремным решётчатым сенцам / Как хозяин Лаврентий ходил» (с. 603). Не случайно многие обращения к «товарищу Сталину» стали ироничным лагерным фольклором: «Песня о Сталине» («Товарищ Сталин, вы большой учёный...») Юза Алешковского, «Ворон», «На смерть вождя», «Безымянная могила» («Укатала особая тройка...») Светланы Шиловой и др. Сравнение палачей с дьяволом присуще даже стихам тех лагерников, которые известны как партийцы-ортодоксы. Например, у Андрея Алдана-Семёнова читаем: «Был этот дьявол окровавлен / От ног до наглого пенсне» («Я еду на Кольму», 1957) (с. 522).

Реалий лагерного быта, жестокой повседневности, о которых писала в своих выводах Д. Горева как о «сущностной характеристике поэтики лагерной лирики», подтверждающей будто бы её «реалистичность», на самом деле много, но в целом стихи не о быте и даже не о смерти или страданиях – они о вечном. Поэты ГУЛАГа явно не стремились запечатлеть быт – в большинстве случаев бытовой фон мимоходом «прописывался» как нечто само собой разумеющееся и становился исходной ситуацией экзистенциального конфликта, который в литературной антиутопии, как известно, трансформирован в противостояние Человек – Система (государство-Левиафан). Воплощающие Систему «исполнители» (анализ этого лицемерного эфемизма находим в «Архипелаге ГУЛАГ», ч. 6, гл. 7; ч. 7, гл. 1) убивали Человека пытками и расстрелами, рабским непосильным трудом, нестерпимыми условиями повседневного существования, обрекающими на медленную мучительную смерть: «...Недовешенных благ рабы, / Зарабатываем горбушки, / Нарабатываем горбы»; «Воркута, Воркута, Воркута! / Дёсен яростная краснота, / Зубы сами бегут изо рта» (из стихотворений Лазаря Шерешевского, 1944-1949 гг.) (с. 658-659).

В гулаговские стихи вошли немыслимые прежде для поэзии реалии. Бессудные расстрелы: «Мёртвый ОЛП» Елены Корибут-Дашкевич (с. 667); «Расстрел в Тайшете» Владимира Филина (с. 881). Избиения и пытки: «Он женщину на вахте сапогами / Пинал, пока в крови не поплыла» («Охранник» Виктории Гольдовской) (с. 850); «Допрос ночью. / Каждой ночью. <...> Едва сажу на стуле. <...> Прислониться к спинке нельзя» («Допрос» Виктора Василенко) (с. 752). Убийственные мороз и голод: «Здесь от мороза трескаются горы / И птицы застывают на лету» (Л. Шерешевский, «Застлало Заполярье снежной мутью...») (с. 659); «Страшен голод: бред о хлебе. / “Хлеба, хлеба” – сердца стук. / Далек в прозрачном небе / Равнодушный солнца круг» («Что же? Значит, истощенье?..» Нины Гаген-Торн) (с. 267-268). Доходяги («В отбросах рылся человек...» Елены Владимировой (с. 333)) и их «рай» – грязная лагерная палата: «Прокрустово ложе нар, / Рай доходяг – стационар. <...> И, боже,

что за благодать / На грязном тюфяке лежать / И перед гробовой доской / Вкушать, блаженствуя, покой!» («Стационар» Ореста Номикоса) (с. 646). Постылые бараки и камеры: «Да, это Дантов ад. Тела, тела.../ Поют и ссорятся, едят и пьют» («Сюита оконная» Анастасии Цаетаевой) (с. 187). Колючая проволока и вышки, номера вместо имён, и проч., и проч. Кажется, советские устроители ГУЛАГа всё-таки читали Замятина. Или способ реализации утопий всегда одинаков?

Но в любой поэзии, как правило, реалии – не объект изображения, а повод к размышлению – «чем дух живёт»: «Низки каменные своды, воздух сыр, / Как безумен, как чудесен этот мир!» (Аделаида Герцык, цикл «Подвальные») (с. 23). Поэтика «низкого», сущность далёкой от классической эстетики «художественности» в лагерной поэзии должны стать материалом для анализа изменений в эстетических канонах, которые происходят в культурном самосознании во второй половине XX века – «после Освенцима», по знаменитому выражению Т. Адорно. Лагерные поэты использовали взрывную силу шокирующих деталей, скупого их перечисления и противопоставления обычным ценностям: «Вышка. Вахта. Параша. Конвой. / Номера на бушлатах. / Пайка хлеба. Бачок с баландой. / Бирка со смертной датой. / Это вижу и этим дышу / за чертою запрета. / Это знаю одно и пишу / лишь об этом. / Ограничена тема моя...» (Елена Владимирова, «Я всего лишь тюремный поэт...») (с. 333). Судя по стихам этой поэтессы, такая эстетика вполне осознана.

Благодаря ей обозначен силуэт реальности, в которой по одну сторону – бездна небытия, по другую, за зыбкой чертой, – всё, чем можно удержаться на её краю. Как правило, стремясь выжить, узник-поэт находит путь к эскапистскому уходу от действительности. Показательное сравнение встречаем в стихотворении Алексея Эйснера «Жемчужина»: лирический герой чувствует себя устрицей между створками морской раковины, «на самом / Холодном, тёмном и пустынном дне» (с. 549).

Оказывается, «смерть и лёд / над песнями не властны» (В. Шаламов, «Гомер») (с. 123). Пока Слово с человеком, он способен выстоять. Самое жуткое начинается за гранью, когда «одичалый человек, / Интеллигент бывалый. <...> ...Различья меж добром и злом / определить не сможет», сменив «Свой человеческий язык / На междометье зверя» (В. Шаламов, «Он сменил без людей, без книг...») (с. 123).

Страшнее физического убийства – принуждение называть чёрное белым и наоборот, абсурдное выворачивание здравого смысла и общечеловеческой морали. Последствия таких зловещих парадоксов неоднократно показаны в лагерной поэзии. В стихотворении Якова Серпина «Телефон» всего лишь представлена сценка следственного допроса, но за ней – так много узнаваемого для советского человека смысла: «Человек придвинул телефон / И спросил, какого цвета он. / Я

сказал, что чёрный, но в ответ / Вдруг услышал дьявольское: /– Нет! / Бил в глаза свирепый чёрный цвет, / А в ушах моих звенело: / – Нет! /– Нет, он белый, – просто ты дурак, / Потому что видишь всё не так! /– И тогда я видеть перестал, / И тогда я слышать перестал. / Больше ошибаться я не смел, / Я ослеп, оглох и онемел» (с. 855).

Поэты-лагерники стремились назвать точным словом то, чему не было названия в поэтическом языке их времени или что искажалось вдалбливанием советского «нюспик’а». Наряду с «нагой» деталью и подробностью использовали экспрессионистскую метафоризацию, плакатную аллюзию, лозунговую афористичность, пародийные цитаты-реминисценции из расхожих песен, фильмов, речей. Взятая в целом лагерная поэзия вызывает ощущение удивительной эпической широты и разнообразия: ей оказались подвластны не только экзистенциальные глубины, но и исторические обобщения, и патриотический пафос, и интимные признания – личное и всенародное.

Т. Руслов (родом из Беларуси, имя составителю неизвестно) выразил своё чувство к родине через ряд исторических аллюзий: «Но более всех больней и горше / мне боль вот этой вот страны... <...> Где от опричнины Ивана / до сталинских концлагерей / и палачей и бунтарей / связь неразрывна и кровава» («Моё!», 1968) (с. 938). Виктория Гольдовская рассказала не только о пережитом собственном заключении 1949-1954 гг., но и о «Тридцать четвёртом» (название поэмы), когда кровавый террор был уже в разгаре: «Пошёл топор гулять в леса густые...», и палачи «словно псы лизать умели руки, / Что мясо им швыряли в конуру» (с. 851). Показательно, что многие авторы антологии писали именно поэмы (они, как правило, сокращены составителем), то есть сознательно творили поэтический эпос своей небывалой эпохи и страны.

Не единожды «воспет» многими авторами ещё один год: «Этот *Тридцать Седьмой*, полный боли немой, / Полный лживо-возвышенных слов... / Полный крови и маршей, торжественных встреч / Самолётов – арктических птиц, / Полный тюрем набитых: не сесть и не лечь, / Былей бед и побед небылиц. / Год дневной суеты и тревожных ночей, / Неурочных звонков и дурных / Слухов, сказанных шёпотом, громких речей, / Страха, подлости, жертв дорогих...» (Александр Гладков, «Он вошёл под названием *Тридцать Седьмой*...», 1950) (с. 811). Находясь в тюрьме, этот автор – известный более как драматург и сценарист – осознавал, что «Не будет никогда оплачен / Наш счёт историей сполна» («Нас много тут невиноватых...», 1949) (с. 810).

Тема счётов между историей и индивидом, между исторической памятью общества и личной – одна из самых болезненных в лагерной литературе. О ней не раз писали, противопоставляя позиции тех, кто считал лагерный опыт благом для себя и тем самым способствующим

прозрению общества (наиболее известна эта позиция в формулировке А. Солженицына), и тех, кто отрицал его как не могущий принести человечеству пользу, развращающий человека и проклятый им (позиция, условно соотносимая с точкой зрения В. Шаламова).

Большинство поэтов ГУЛАГа всё-таки не отвергало свой жестокий жизненный опыт и ценило его уроки. «Человек начинается с горя», – предвидел белоэмигрант Алексей Эйсер в 1932 г. («Надвигается осень, желтеют кусты...») (с. 548). Его крестный путь начался с ареста в 1940-м и длился 16 лет. «...Не жалею о жизни нелёгкой!», – подводил итог своим невзгодам Юрий Люба в 1948-м («Я прошёл многолетнее горе...») (с. 527). У некоторых звучит даже «законная» гордость: «Выстоял, / Выдержал, / Переварил, / Через такие горы перевалил, / Каких не знала ещё география» (В. Боков, «Биография», 1960-е годы) (с. 604). Практически в собрании С. Виленского нет ни одного поэта, проклинающего своё прошлое.

Это вовсе не значит, что к прошлому авторы антологии относятся однозначно. Множество нюансов значений вложено в то, что именно и как помнят: о чём вспоминают и что пытаются забыть. Лагерники едины в одном: нельзя предать забвению годы преступлений, вычеркнуть из истории память о жертвах, простить палачей, не требуя от них покаяния. Когда таким образом обесмысливаются страдания миллионов, мир лишается сокровенной высшей истины, через сопричастность к которой только и возможна в нём человечность¹, а значит, общество теряет шанс преодолеть прошлое: «Мне жаль страну, где прощены убийцы / И каждый пятый с ними заодно» (Виталий Гармаш, «Памяти ээка, расстрелянного в 1953 году в Степлаге») (с. 944).

В личной же памяти ээки берегли глубоко интимное и им были спасаемы. Кто-то, как Даниил Андреев, возвращался к прошлому: «К сердцу, заплакав, прижму бывшее – / Мой драгоценнейший из даров» («Но, как минута внезапной казни...») (с. 749). Кто-то ловил мгновения редкого соприкосновения с природой: «Лишён ты всего: и желаний, и прав, / но вечно пребудет с тобою / вот этот подарок – дыхание трав, / когда ты идёшь из забоя» (Вадим Попов, «Выходишь из клетки – минуту постой...») (с. 728). Многие спасались верой в Божественное провидение... Но это, как и тема патриотическая, – отдельная задача для исследователя лагерной поэзии.

Литературоведы (А. Таганов, Т. Берниченко) писали о насыщенности лагерной лирики историческими мотивами и событиями, о переоценках российской и мировой истории, обусловленных экстремальным опытом человеческого существования. Следует также подчеркнуть особый ракурс видения в этом свете не столько прошлого, сколько актуальной

---

¹ Об этой сопричастности – замечательное стихотворение Н. Заболоцкого «Это было давно», 1957 (с. 512).

современности: взгляд «из будущего», которым отличаются многие поэты-лагерники. Дар провидчества свойствен как известным мастерам слова, так и рядовым стихотворцам ГУЛАГа, оказавшимся способными видеть недоступное более благополучным современникам. Тридцатилетняя Дора Штурман в 1956 году написала: «Когда срывались от оваций / литые люстры с потолков, / Вы не хотели сомневаться / в законности своих оков. <...> Но время требует разгадки, / И память – как зубная боль. / И Минотавра взгляд косящий / Всё так же яростен и дик. / И не отложишь в долгий ящик / Своих прозрений роковых» (с. 654-655).

Тема преступной слепоты апологетов коммунистической утопии – одна из доминирующих у лагерников; она порождает горькую иронию, которой пронизаны многие стихи. Благодаря иронии авторы не боялись предвидеть даже собственный конец: «Стукнет в капсулю спущенный боёк, / И за всё, что душу пропитало, / Я последний получу паёк – / Девять грамм горячего металла» (Л. Шерешевский, «Да, с дороги сбился я большой...», 1944, с обозначением места: «Подвал контрразведки Смерш») (с. 657). Прозрения были оплачены дорогой ценой, и горечь пережитого становилась тем пронзительнее, чем дальше отодвигалась во времени: «Я словно роюсь в собственной могиле / Дрожащими и дряблыми руками», – писал Л. Шерешевский в 1994 году («Археология») (с. 660). Лагерники теряли своих братьев по судьбе, очевидней был разрыв с младшими современниками, которым был чужд и непонятен их опыт. Например, в опубликованной легально «тихой лирике» Анатолия Жигулина в застойные годы одним из горьких мотивов стала тема глохнущего былого, затухающей памяти, но не стихающей боли. Она пронизывает сборник избранных «доперестроечных» «Стихотворений» (М., «Художественная литература», 1987). Стихотворение «Памяти друзей» (1987) туда не вошло: «Но говорить об этом / Невыносимо больно. / В ответ на расспросы близких / Я долгие годы молчу» (с. 849).

Выводы и перспективы дальнейшего изучения. В литературоведческом исследовании поэзию ГУЛАГа целесообразно выделять как уникальный духовно-эстетический феномен, поскольку её порождает и отличает от современной литературы особая действительность. Для исследователя поэзии лагерная лирика, безусловно, – полноценный и бесценный материал. Тематический и образно-предметный ряд, который мы в нём рассматриваем, существенно неполон. Многие мотивы – в том числе и связанные с ГУЛАГом как воплощением реализовавшейся утопии – оказались за пределами этой статьи. Анализ стихотворной поэтики – ещё впереди. Ведь прозрачность знакомых размеров и простых рифм не перечёркивают внутренней сложности и глубины («Частушечный размер / гекзаметра построже», – по выражению В. Шаламова (с. 122)).

Созданная (преимущественно) без пера и бумаги лагерная лирика предназначалась для устного восприятия и запоминания, выполняла функции сакрального слова – спасала и очищала. Поэтому её отличает кованая чёткость и смелость высказывания, афористичность, суровая простота и горькая беспощадная ирония. Поэзия ГУЛАГа предназначена сохранить боль всенародной памяти, подвести итог печальным историческим урокам, которые потомкам необходимо усвоить. Стереотипные мнения о незначительной эстетически-поэтической ценности этой поэзии безосновательны.

1. Опыт пребывания в реализовавшейся антиутопии: ГУЛАГ в украинской, русской, белорусской поэзии.
An experience of staying in a realized anti-Utopia: GULAG in Ukrainian, Russian, Belorussian poetry
2. Колошук Надежда Георгиевна
Koloshuk Nadezhda Georgiyevna
Восточноевропейский национальный университет имени Леси Украинки
Lesya Ukrainka Eastern European National University
e-mail: n_koloshuk@ukr.net
3. Список литературы:
Горева Д.А. Поэзия ГУЛАГа: проблематика и поэтика: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/poeziya-gulaga?_openstat=cmVmZXJ1bi5jb207bm9kZTthZDE7 (12.06.2014).
Кобенков А. Дни позора и печали (рец.) // Знамя. 2006, № 6.
Михайлик Е. Не отражается и не отбрасывает тени: «закрытое» общество и лагерная литература [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/mi27.html#top> (10.06.2014).
Поэзия узников ГУЛАГа: антология / сост. С.С. Виленский. М., 2005.
Средь других имён: Сборник / сост., вступ. ст. В.С. Муравьёва. М., 1990.
Таганов Л.Н. Потаённая литература: поэзия ГУЛАГа [Электронный ресурс] // Вопросы онтологической поэтики. Потаённая литература: исследования и материалы. Иваново, 1998. Режим доступа: http://w3.ivanovo.ac.ru/win1251/az/lit/coll/ontolog1/09_tag_1.htm (10.06.2014).